

ТЕАТР

Хорошее начало

С наступлением лета многие театры страны отправлялись в гастрольные поездки. Это стало хорошей традицией. Выступления перед новой аудиторией служат для артистов своеобразным творческим оттоком, проверкой степени зрелости театра. Радостны эти встречи и для зрителя. Поэтому «обмен» театрами между Костромой и Ярославлем—хорошее, полезное начинание.

Ярославцы с особым интересом отнеслись к гостям, однажды уже приезжавшим в наш город. За это время труппа театра пополнилась новыми актерами, режиссерами. Какие же изменения внесло все это в творческую жизнь коллектива? Вырос ли он?

Теплый, дружеский прием встретили костромичи в Ярославле. Это не дань вежливости, а искреннее признание серьезных творческих успехов театра имени А. Н. Островского. Об этом говорят его первые спектакли: «Дворянское гнездо» и «Иванов»—Чехова.

Режиссер А. Топин в статье, опубликованной в «Северном рабочем» в день открытия гастролей, поделился своими творческими замыслами при постановке спектакля «Дворянское гнездо». Из этого режиссерского credo ясно следует, что коллектив стремился сохранить идейное звучание романа, не ограничивая себя задачей только воссоздать минуточку жизни, а взглянуть на произведение классики глазами современности, т. е. найти в нем то, что помогало бы театру решать воспитательные задачи сегодняшнего дня. Отлично, что эти замыслы не остались пустые, а нашли свое выражение в обоих спектаклях русской классики.

(К ГАСТРОЛЯМ КОСТРОМСКОГО ТЕАТРА ИМ. А. Н. ОСТРОВСКОГО)

Пьеса «Иванов» — одна из самых ранних драматургических произведений Чехова (1887—1889 гг.) и стоит несомненно особняком от его «большой драматургии». Калоническая форма драмы еще додела над писателем. Лишь позже он выступил как поватор, создал «Чайку», «Дядю Ваню», «Три сестры», «Вишневый сад» — пьесы, в которых проявились все особенности чеховской драматургии. Именно поэтому нечасто в репертуаре театров можно встретить «Иванова». Но, думается, непременно отказываться от этого произведения, с такой силой фиксирующего трагедию той части русской интеллигенции, которая, жалкая, на «жизни презрительной», «жизни общественной», бессильно пылала по течению, запылаясь бесплодными психологическими самосознаниями.

Современник Чехова, театальный критик Кугель, писал по поводу этой драмы: «Это этот Иванов? Срадный русский интеллигент, Иванов 1.000.001-й... Все пресловутые: бессилье, пуга, уныние, социальная беспомощность и гипертрофия личного в ущерб социальному и коллективному изображено у Чехова». Это абсолютно верная характеристика интеллигента типа Иванова, в молодости глядевшего на мир с позиций либерального «превращающегося», а затем потрясающего в обязательный тип. В един из прикладов самознания он признается: «В двадцать лет мы все уже знаем, за все беремся, все можем, и к тридцати уже утомляемся, никуда не годимся».

В своем герое Чехов показал, до какой безысходности опустошения может дойти человек без истинной цели, без мировоззрения.

Никакого подлога, преступления, карамельного заговора, Иванова не совершает. Его натура изможденная, бездействующая и в то же время ее творческое движение губительно, как яд. Умирает жена Иванова Анна Петровна, урожденная Сарра Абрамовна, из любви к нему оторвавшаяся от родителей, от перлы, безгранично любящая этого бездушного эгоиста. Он разбивает другую молодую женщину — Шурочку. Сам он напоминает ей: «Своим нытьем я отравил жене последние годы ее жизни. Пока ты моя невеста, ты разучилась смеяться и постарайся на пять лет. Твой отец, для которого было все ясно в жизни, по моей милости перестал понимать людей». Эти искренние излияния для Иванова пустая фразеология, холодный самоанализ. За признанием следует все то же, и вновь приступ самобичевания. Самоубийство Иванова в конце акта ничего не разрешает. Он был мертв до этого финала.

Такие мысли о герое чеховской драмы рождают спектакли, составленный нар. арт. КазССР Ю. М. Микояном, и игра засл. артиста КазССР С. В. Астафьева. В роли мало внешнего действия, и мало позитивное глубоко проникнуть в душу героя, чтобы с такой бесопашной правдивостью, некрепостью чувств и так верно раскрыть внутренний мир Иванова. Мы видим в нем и те качества, которые плескал в нем Анну Петровну, Шурочку: внешнее болельное обаяние, ум, неуловимость, пошлость окружающего жизни. Но чем больше узнаем его, тем яснее ощущаем, какая духовная гниль, бессилие, пустота скрываются за

всем этим. Когда в приступе раздражения Иванов—Астафьев бросает умирающей жене пустое, оскорбительное слово, зловредно повторяет приговор доктора о близкой кончине Анны,—это не воспринимается как нечто неожиданное, как внезапное разоблачение Иванова, а как поступок, логически подготовленный развитием образа. Можно смело сказать, что игра Астафьева в «Иванове» — это настоящее мастерство, соединенное с большой эмоциональностью, возмозможностью.

Эта не единственная удача в спектакле. Очень мягко, пленяюще по-чеховски и вместе с тем с большой драматической силой передает артистка Г. В. Соколова трагедию Анны Петровны. Граф Шабельский — для Иванова в исполнении нар. арт. КазССР Мизецкого — очень колоритная фигура обесшестого барина, прижилола, контрастно быдлу заложенность, снисходительно барельежный тон, нишого духом близости и пошлости.

Роль управляющего имением Боркина в молодой богатой вдовушке Бабакиной как бы перенесены Чеховым из его вольностей. Исполнение этих ролей арт. С. Г. Рышков и арт. В. С. Бородиня ведут их верно, соответственно тому, как написаны они автором.

В целом спектакль интересен не только правдивым воспроизведением мрачного прошлого, это горячий протест против бездушия, бездействия, тоски и уныния, против настроений, которые получали такое резкое и сбалансированное осуждение в докладе тов. Миданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» по поводу стихов Ахматовой, способных только «ослепить уныние, упадок духа, пессимизм, стремление уйти от насущных вопросов общественной жизни, отойти от широкой дороги общественной жизни и деятельности в узкий мир личных переживаний».

Социально звучал «Дворянское гнездо», которым открылись гастрольные, значи-

тельно слабее чеховской драмы «Иванов». Но и этот спектакль показал, какими серьезными творческими силами обладает коллектив Костромского театра.

Турпенские пьесы играть трудно. Это в равной, а может быть даже в большей степени надо отнести к инсценировке его романа (автор инсценировки Соболевский-Сампирин). Чтобы вырваться в нескольких небольших картинах главное, что заключено в романе, суметь сохранный античность, поэтику лирики, взаимоотношения Лавренко и Лизы в обществе, где та жесть, лицемерие, фальшь позволены в доброту, артистам нужно многое раскрыть в подтексте ролей. Астафьеву—Лавренко и Григорьевой—Лизе удалось показать поэтическую выразительность, цельность чувств, моральную чистоту героев турпенского романа. Прекрасно передали артисты зарождение и развитие любви Лавренко и Лизы. Талантливо играл учитель музыки Ломма артист С. Г. Рышков. Роль Пестовой—бабушки Лизы в подмечено, сочно исполнила засл. арт. РСФСР В. П. Соломина, старший член коллектива театра имени А. Н. Островского.

Спектакли Костромского театра говорят не только о значительных исторических и режиссерских успехах. Многие в них не удовлетворяют зрителя. Весьма ощутима, например, разница в уровне исполнения ведущих ролей и так называемых второстепенных. Это мешает театру достичь того ансамбля, при котором исчезает само понятие «второстепенная роль».

Серьезные возражения вызывает и сам репертуар. Современная драматургия представлена в нем лишь одним значительным произведением — «Жизнь в цитадели» лауреата Сталинской премии А. Яковлева. Но потому ли театр отстает от хорошей традиции открывать сезон или гастроль спектаклем современной драматургии.

В. ЕЛИСЕЕВА.